

НИКОЛАЙ
КУЧМИДА

ВСЕГО ХОРОШЕГО

БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА
★ СОВЕТСКИЙ ВОИН

Николай Павлович Кучмида родился в 1942 году в деревне Шайма Вологодской области.

Первый рассказ, написанный Н. Кучмидой, был об армии, об армейских товарищах, с которыми он отслужил три года на Севере.

После армии плавал матросом в Норвежском море, работал на Череповецком металлургическом заводе, был сотрудником областной молодежной газеты в Вологде.

Но армия не забыта. Армейская тема для начинающего писателя — особая тема, и он ей по-прежнему верен. Лирический герой рассказов Николая Кучмиды — солдат первого года службы, делающий все впервые: первая стрельба, первый марш, первая

встреча со сложностями человеческой судьбы.

Сейчас Николай Кучмида — студент четвертого курса Литературного института имени А. М. Горького. «Всего хорошего» — его первая книжка.

К 1323983

ВСЕГО ХОРОШЕГО

Это рассказ о том, как я не попал в институт, а попал в армию и как я стоял на посту, о Димке и лейтенанте Мирошниченко, о буханке хлеба и старом дзоте, о том, как мы с Ниной шли по Тверскому бульвару, а навстречу летел тополиный пух...

1

Драться я никогда не любил, потому что, если драться по-настоящему, нужно бить по лицу. Кроме того, я отходчивый. Шли мы однажды вечером по площади Маяковского: моя сестра, Нина и я. Сзади нас плелся какой-то тип в красивых очках. Я еще по-

думал: он, наверно, потому и носит очки, что они красивые и здорово подходят к его физиономии! Знаю я таких типов.

Он шел молча, сосредоточился и сказал пошлость. Девочки сделали вид, что не слышали. Я остановился и резко повернулся к нему лицом. Он тоже остановился. Я сказал: «Сними очки». Он, конечно, не ожидал, что никаких предисловий — «Дай закурить» или «Отойдем» — не будет, и медленно снял очки. Пока он прятал их в карман, я понял, что уже отошел. И я сказал: «Извинись перед девушками». Он извинился. Конечно, не громко и четко, но извинился. Мы пошли дальше, а он отстал.

Может быть, кто-нибудь скажет, что я просто трус. Я улыбнусь. Если бы я был трусом, я не попал бы в армию. Я не играл бы сейчас в «караулке» в шашки, а может, шел по Тверскому бульвару, а навстречу летел тополиный пух. Или сидел в общежитии у ребят, слушал бы пленку с песнями... Но я сижу в «караулке». Сыграю еще партию в шашки и поеду на свой пост номер семь.

А в армию я попал так. Во время последнего экзамена меня выгнали из аудитории. Мне было обидно, и я просидел на Тверском бульваре до самого вечера. Накурился так, что стало тошнить.

Последний экзамен был по английскому языку. Мне попался билет про герундий. Это такая форма глагола с окончанием — ИНГ. Но тогда, на экзамене, ну никак я не мог вспомнить, что же это такое. Если бы дали пример герундия, я бы, конечно, вспомнил. Но кто же даст пример на экзамене?

Напротив меня, через стол, сидел один парень. Я написал на промокашке «герундий» и поставил знак вопроса. Промокашку подвинул к нему. Ассис-

тент отвернулся, парень быстро взял промокашку. Прочел, написал, протянул обратно. На промокашке было написано: ЧЧВ. Я сижу и думаю: что же это такое? Мы же сдаем английский, а тут радиус, помноженный на радиус, да еще какое-то В. Я написал: «Не понял». Когда он вернул мне промокашку, я прочел: «Человек человеку волк».

Я встал и ударил. Меня оттащил ассистент. «Покиньте аудиторию!» В институт я больше не приходил. Документы мне прислали по почте, когда я уже ехал в этот «маленький северный гарнизон».

2

Нас было много, ехали мы быстро и долго. В нашем вагоне ехали почти все москвичи. Лейтенант Мирошниченко на остановке сказал, что у нас больше всего шума, и сделал нам замечание.

Ребята познакомились друг с другом и разделились по районам Москвы. Из Фрунзенского района был только я. Я перебрался в угол на нижние нары и отвернулся к стене. Конечно, мне было грустно. Да еще мысли всякие. Через три года я все забуду. Учебники устареют, Инна будет на третьем курсе. Мне было жаль сестренку и маму: они не нашли меня на вокзале. Я видел, как они искали меня глазами, и крикнул. Но кто кого слышал тогда на Ярославском вокзале!

Хорошо, что мы ехали долго. Лежать одному в углу надоело. Я вылез и попался на глаза лейтенанту Мирошниченко.

- Вы сколько классов окончили?
- Одиннадцать.
- В институт не поступили?
- Провалился на английском.

До офицерского училища лейтенант Мирошнинченко окончил Ленинградское суворовское училище. У него был диплом военного переводчика. Он сказал, что если меня направят в его взвод, то уж герундий мы с ним осилим. Разговор закончился тем, что он предложил мне выпустить боевой листок. Достал из полевой сумки большой бланк. Вверху был нарисован танк. За танком сбоку бежал солдат в желто-зеленом маскировочном костюме.

Я разделил бланк на три колонки. Передовой столбец написал сам лейтенант. Он написал, что мы еще, в общем, не солдаты, мы не приняли присягу. Но мы уже не те, что раньше, что мы призваны на военную службу, что нужно слушаться командира и во время движения соблюдать настоящую воинскую дисциплину, что ехать осталось немного.

Второй столбец написал я. У меня была голубая шариковая ручка. Я нажал на кончик, выскочило перо — ручка готова. В голове у меня был вакуум. То есть, наоборот. В голове моей было все перепутано, даже крутился отрывок какой-то песенки. И у ребят, наверное, то же самое творится. Просто никто не показывает виду. Играют в темном углу в карты, поют под гитару, рассказывают анекдоты, а сами думают о матери, о сестренке, о своей девушке, о несданных экзаменах и других делах, которые пришлось срочно прервать, а сейчас ехать и петь под гитару. А тут еще перестук колес да грохот встречного пезда. А сквозь рейки окна, в которое мы смотрим по очереди, — лес, поляна, мосток, корова, цветы, шлагбаум... Я еще в первом классе узнал: моя Родина больше всех. А почувствовал это только сейчас, когда ехал служить в армию. «Во поле березонька стояла...» Я еще не солдат, присягу не принял. Нет,

товарищ командир. Я всегда солдат, потому что Родина принадлежит тем, кто ее защищает, в снегу она или в цветах..

Я не уложился в один столбец, пришлось занять половину третьего. А на другой половине парень из Тимирязевского района нарисовал карикатуры, кто как ест из котелка. Получилось смешно.

Боевой листок был готов. Лейтенант Мирошниченко прочел его, похвалил (он сказал, что я как поэт). Листок отправился путешествовать по эшелону. Из вагона в вагон. Больше я его и не видел.

3

Из комнаты начальника караула сейчас выйдет лейтенант Мирошниченко. Скажет: «Смена, выходи строиться!»

Вышел лейтенант Мирошниченко. «Смена, выходи строиться!» Мы взяли из пирамиды по автомату и вышли на улицу. На улице было темно. Около грибка маячил часовой. За штакетником стояла машина с деревянным кузовом.

Когда мы построились, лейтенант Мирошниченко проверил, нет ли у нас спичек и курева, потому что на посту курить запрещается. Мы вставили в автоматы магазины, сели в кузов. Машина выехала из-за штакетника, миновала тихий военный городок, кинулась в поле по светлому от луны шоссе.

Каждый раз, когда я еду на пост, я делаюсь каким-то строгим. Мне кажется, что я был в глубоком тылу, а сейчас приближаюсь к первой линии наших окопов. Машина съедет в кусты, мы выпрыгнем из кузова и поползем, цепляясь подбородками за сухую траву. Нащупав окоп, мы нырнем в него головой вниз, на дно, и, пряча в рукаве шинели окурки, за-

тянемся разик-другой. Лейтенант Мирошниченко громко крикнет: «В атаку, вперед!» И мы побегим.

Машина остановилась. Мы ловко спрыгнули. В армии я научился хорошо прыгать из кузова. Когда я выпрыгиваю, мне кажется, что на меня смотрит Нина. Это та девушка, с которой мы шли по площади Маяковского.

Через пять минут я стоял на вышке. Один. Получалось так: вот светлое поле, вот темное небо, вот вышка, вот мой автомат. И все. Ну, конечно, кроме длинного, наполовину в земле, сарая. Это мой пост. Пост номер семь.

4

...За ночь наш батальон сделал бросок на левый фланг «противника». Кухня догнала нас только к шести часам утра. Подъем сыграли в семь. Я был уже на ногах и полностью одет, потому что моя очередь топить «буржуйку» оказалась последней, за час до подъема.

Услышав трубу, я вышел из палатки и зажмурился. Кругом сверкал снег. Я достал черные очки. Перед учениями каждому из нас лейтенант Мирошниченко выдал очки. Кухня стояла в десяти шагах от нашей палатки. Повар Василий Федорович, старшина-сверхсрочник, стоял на подставке. Валенки его были в снегу. Он был, как дед-мороз, в своем белом маскировочном халате и белых от снега валенках. Дед-мороз нагнулся над волшебным мешком с подарками. Хорошо, что это не дед-мороз, а Василий Федорович. Хорошо, что он нагнулся не над мешком с подарками, а над большим котлом с кашей. Может, даже с гречневой!

Хлеб резал тот парнишка, с которым мы играли в шашки, рядовой Новожилов. У Димки в правой руке был зажат кухонный нож.левой рукой он ставил буханку «на попа», одним ударом рассекал ее вдоль, потом обе половины еще поперек. Буханка на четверых.

Мне не досталось хлеба. Не только мне. Вообще не хватило одной буханки, и четыре человека: я, Димка и еще двое — остались без хлеба.

Подойти утром к кухне и остаться без хлеба...

— Товарищ лейтенант, нам хлеба не хватило!

Лейтенант Мирошниченко сам пошел доставать буханку. Он вернулся с пустыми руками. В продуктовой машине не осталось ничего. Димка и те двое тоже надели очки. Меня подозвал Мирошниченко: в трех километрах по дороге — батальонная машина с продуктами. На лыжах это минут двадцать. Лыжи готовы?

Взял я свой вещмешок, надел лыжи, и вскоре у меня в мешке лежали три буханки, и я ехал обратно. Но тут-то все и началось.

За моей спиной вспыхнула ракета. Я не сразу понял, что это ракета, а когда обернулся, она догорела на моих глазах, я не успел даже заметить, какого она цвета. Я пошел дальше. А это, оказалось, был сигнал к наступлению. И вот что получилось. У меня был хлеб, целых три буханки, но не было ни нашей кухни, ни транспортеров, ни Мирошниченко.

Мимо меня, раскидывая снег, шли танки. Их обгоняли тягачи с прицепленными зенитками, минометами, гаубицами. Скрипели рессорами грузовики. Пролетали кибитками маленькие «газики». И прямо по целине, зарываясь по нос в снег, засыпая меня снежным туманом, неслись легкие тягачи с солдатами.

Я стоял один на обочине, а мимо несло железо. Однажды я оказался в узком промежутке между железнодорожными линиями. Справа налево и слева направо неслись два товарняка. Тогда было не так страшно. Я знал, что они скоро проедут.

Железо несло и несло. Мне показалось, что началась война. Все на полном серьезе. Воюет техника. Не зная упрека и страха, в бой кинулась сталь...

Я растерянно озирался, но когда сообразил, чем это может кончиться, принял решение. Кончиться это могло тем, что свою роту я найду только после учений, в казарме.

Выбрав момент, я бросился наперерез тягачу с прицепленным минометом, и, когда тягач и миномет просхали, я, чуть не обломав концы лыж, ухватился руками за круглую минометную плиту. Ветер свистнул в ушах, рот открылся от струи встречного воздуха, лыжи подпрыгивали, если попадались крупные комья снега, — было жутко и здорово.

Мелькали стволы сосен, летел в лицо черный снег, но я уже ничего не мог сделать, отцепиться даже не мог, потому что скорость была страшная. Будь что будет.

Вдруг тягач сделал крутой поворот, плита сделала поворот еще круче. Не удержав ее в руках, я отлетел в сторону.

Я сначала спросил самого себя: где что болит? Ничего нигде не болело. Я встал на ноги. Отряхнул лицо, достал снег из ушей, протер глаза. Передо мной стоял высокий парень.

— Ты кто? — спросил парень.

— Из первого батальона.

— А по шее хочешь?

Короче говоря, он заметил и догадался, что я уцепился за плиту и нарочно сделал крутой поворот. Я залез в тягач, ребята потеснились, дали мне место. Я знал позывной своей роты, и радист связался с Мирошниченко. Мирошниченко спросил: «Ты цел?»

Часа через два я был в своей роте, в своем взводе, в своем отделении. Тем двоим, которые остались без хлеба, я дал по буханке, а с Димкой мы разделили буханку пополам. В термосе для меня оставили кофе.

Как только вернулся в роту, я пошел доложить Мирошниченко, что прибыл. Так положено по уставу. Мирошниченко сидел в старой землянке. Там было темно, но тепло. Мирошниченко представил меня одному старшему лейтенанту. Я-то сразу и не разглядел его. Старший лейтенант был тоже в спецшлеме. На груди у него и сбоку висели два фотоаппарата. Это был военный корреспондент газеты.

— Я давно хотел познакомиться с вами, — сказал старший лейтенант. — Нам понравилось, как вы пишете. Ваша корреспонденция из эшелона была признана лучшим материалом номера... Вот вам блокнот и карандаш. (Я сказал, что у меня есть шариковая ручка.)

— Тем лучше, — улыбнулся он. — Попробуйте написать что-нибудь об учениях. (Я сказал, что мог бы написать о том, как я ездил за хлебом.) Он опять улыбнулся: — Напишите. Пишите прямо сейчас. — Он сунул руку в карман, вытащил фонарик. Проверил, горит ли. (Я подумал: как на фронте.) — Берите, — сказал старший лейтенант. — Я зайду в штаб батальона. Полчаса вам хватит?

Я пожал плечами.

Старший лейтенант ушел. Мирошниченко спал, не сняв наушников. Я раскрыл блокнот, достал шариковую ручку. Нажал на кончик — выскочило перо.

...Я стоял на обочине. Мимо неслось железо. Летел в лицо черный снег. Я достал снег из ушей. («По шее хочешь?») На душе стало легко, я рассмеялся. Водитель свирепого тягача — мой сверстник, может быть, даже москвич и живет у Никитских ворот, а может в Вологде. Он поступил, как обыкновенный шустрый кирюха. Крутой поворотик — и я отлетел. А я стоял на обочине и боялся: раздавят и не заметят.

Я перекурил и стал ждать старшего лейтенанта. Он пришел, забрал четыре странички, сказал: «Я сейчас тороплюсь, прочту в машине, заходи в редакцию».

5

...Вышка, автомат, тишина...

Прошел час. Мелко-мелко дрожат звезды. Небо чистое, без облаков, и луна крупная, желтая, неподвижная.

Если стоять не шелохнувшись, кажется, что тебя нет. Звезды, луна, капитанский мостик. На море штиль. Все спят. Мама помыла посуду, погрела ноги и спит. Сестренка расчесала волосы, завела будильник на восемь утра, спит. Нина посмотрела «Голубой огонек», прослушала погоду на завтра (в плаще идти в институт или в одном платье), спит. Парень в красных очках, который извинился перед девушками — не громко и четко, но все равно извинился, — спит. На площади Маяковского пусто, лишь пробежит мышью такси. Все спят, потому что ночью нужно спать, чтобы завтра идти работать, или учить-

ся, или просто так, например, в бассейн возле метро Кропоткинская. А сейчас спят.

Я вот не знаю, поймете ли вы меня. Получается так: все спят, я стою на вышке, у меня в руках автомат. Понимаете?

6

Легкий гусеничный тягач вынырнул из оврага, отфыркинулся от снега и на дороге остановился. За ним — другой и еще... Всего десять. Тягачи вытянулись по дороге, заглушили моторы. Для нас, солдат, — перекур. А вообще мы ждали другие тягачи, получился небольшой разрыв.

На вечернем сером снегу чернели стволы деревьев. Между стволами висела и валялась старая колючая проволока. Мы вылезли из тягачей размяться. Но никто не кричал и не бегал. Странной была тишина. Серый снег, черные стволы, ржавая проволока. Что это?

Мирошниченко негромко сказал:

— В сорок втором здесь шли бои.

Вот в чем дело! Ребята посерьезнели. Здесь стучали пулеметные очереди. Может быть, здесь погиб мой отец. Он пропал без вести.

Димка крикнул:

— Дзот!

Мы посмотрели, куда он показывал. Снежный небольшой холм, пониже — черная узкая щель. Мирошниченко пошел первым, потом Димка, за ним я, за мной остальные. Мы рукавицами обвалили снег. Показались толстые бревна. Расчистили щель. Мирошниченко сказал:

— Где-то должна быть дверь.

Двое ребят из нашего взвода сбегали к тягачу за лопатами. Мы откинули снег от дзота и нашли дверь. Дверь была низкая и сколочена из мелких бревен. Мирошниченко сильно дернул, дверь отвалилась. Он, Димка и я зашли внутрь. Я зажег спичку. Черный настил был слегка запорошен снегом. Сквозь щель проходил серый свет. Мы втроем прильнули к щели. Из дзота был виден овраг, из которого мы выехали на дорогу, придавленные снегом кусты, за кустами вставал лес.

...От леса отделилась цепь фигур в серых, мышинного цвета шинелях. Пригибаясь к кустам, делая короткие перебежки, они приближались. Они приблизились на расстояние прицельного выстрела и повалились гнить в снег, срезанные пулеметной очередью...

...Димка прошептал:

— Смотрите — «буржуйка»!

В углу валялась помятая печка. Дверца была оторвана. Димка поднял «буржуйку», прислонил в угол.

...Димка сидел в майке, подшивал к гимнастерке подворотничок. Лейтенант Мирошниченко на ровном спиленном чурбаке писал письмо. Я сидел на корточках перед печкой, и пламя отражалось красными пятнами на моих голенищах. «Бьется в тесной печурке огонь...»

В дзоте стало тесно. Мирошниченко, Димка и я вылезли. Перед дзотом стояли ребята из второго и третьего взводов.

Вот где принимать присягу! «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином...»

...Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение...»

Комбат сказал:

— По машинам!

Лейтенант Мирошниченко громко скомандовал:

— По машинам!

Взметнув белую пыль, колонна двинулась дальше.

7

— Пост номер семь — сдал!

— Пост номер семь — принял!

Мирошниченко сказал: «В машину!» Это он мне. Потому что прошло два часа, меня сменили. Потом в машину залезет Димка, у него пост номер восемь. Мы поедem в «караулку», пободрствуем и завалимся спать.

Подшел Димка:

— Привет!

Я тоже сказал:

— Привет!

Удивительно: мы расстались с ним два часа назад, а обрадовались друг другу, как будто не виделись лет пять.

Мирошниченко сел в кабину, водитель завел мотор. Машина пронеслась через поле по голубоватому

от луны шоссе, по тихому военному городку, у штакетница остановилась.

Мы выпрыгнули из кузова.

Возле грибка маячил часовой. Мы разрядили автоматы, зашли в «караулку». Автоматы поставили в пирамиду, магазины убрали в подсумки. Димка зашел в комнату начальника караула и вынес сигареты, свои и мои. Мы закурили.

До армии я курил болгарские сигареты. Сейчас курю «Приму». Они крепче.

В редакции газеты (я зашел туда после учений) на подоконнике сушился целый блок «Примы». Потом я узнал, что все: и редактор подполковник Филиппов, и тот старший лейтенант, с которым я познакомился на учениях, и еще один капитан — все курили «Приму». Они покупали блок, просушивали на подоконнике, потому что хуже всего — это влажные сигареты, и брали по пачке.

Вторую заметку мою тоже напечатали. Ту газету я увидел еще на учениях. Газета нашей части — это небольшой листок. Подписываться на нее не нужно. Почтальон приносит в роту целую пачку газет, потому что каждый солдат должен знать, что делается в части, в которой он служит.

Подполковник Филиппов сказал:

— Ваши корреспонденции читаются с интересом. У вас нет еще опыта, вы сбивчивы и неровны. Но это пройдет. Хотите стать журналистом?

Я пожал плечами. Я не знал, кем я хочу быть. А в институт поступал, потому что он был через две остановки от нашего дома и там был красивый сквер. Между лекциями студенты сидели на скамейках, курили, ходили по аллеям. Осенью в этом сквере тоже красиво. Экзамены нетрудные.

Хочу ли я быть газетчиком? Не знаю. А пока я принес другую заметку. То есть еще одну корреспонденцию. О том, как наш тягач вынырнул из оврага и на дороге остановился. Серый снег, черные стволы, проволока. Старый дзот.

Подполковник Филиппов прочел. Когда он читал, брови его сошлись у переносицы и потухла сигарета. Потому что он ни разу не затынулся.

— Посиди...

Он ушел в другую комнату, где сидели старший лейтенант и капитан. Потом крикнул:

— Иди сюда!

Моя корреспонденция пошла в номер. На другой день я прочел ее в газете.

8

О том, что лейтенанта Мирошниченко повысили в звании, из солдат сначала никто не знал. Вечером он ушел лейтенантом, а утром пришел старшим лейтенантом. Мы все его поздравили. Мы по-настоящему были рады, потому что крепко сдружились с ним за два года.

А потом меня поздравил сам старший лейтенант Мирошниченко. Он вызвал меня в канцелярию и сказал, что в штаб батальона пришел приказ командира части. Меня по рекомендации газеты направляют на сборы военных корреспондентов.

— Придется вам ехать в Москву. — Так и сказал. Я опустил голову и грустно ответил:

— Да, придется — приказ, ничего не поделаешь.

Мы оба рассмеялись, и он пожелал мне быстрой дороги.

В Москве нас собралось много. Разместились мы в какой-то московской воинской части. Есть же счастливики — в Москве служат!

Приехали мы ночью, и я не решился звонить сразу домой — побоялся. Утром нас построили и повезли на автобусах в Дом офицеров.

Сначала там выступали солдаты и работники из Политического управления, а потом один старый военный газетчик рассказал, как приходилось работать на фронте. Иногда получалось так, что в живых оставался один человек. Он был и редактором, и корреспондентом, и фотографом. А газета должна была выйти. И газета выходила.

Вдруг кто-то скомандовал:

— Встать! Смирно!

По залу неторопливо шел Маршал Советского Союза, Министр обороны СССР. Потом он говорил, говорил не очень громко, и в зале было так тихо, что я слышал, как звенели хрустальные подвески большой люстры.

Мы все вместе сфотографировались. Эту фотографию я увидел дня через два в газете «Красная звезда».

Но сам я получился плохо. Да к тому же и оказался далеко от центра. Так что меня, в общем, и незаметно. Если вы встретите эту фотографию, — я слева, в конце, где почти все сливается. Разглядеть все-таки можно.

Мама сказала:

— Ничего подобного, ты очень хорошо получился. Поправился и раздался в плечах.

Это когда я отпросился в увольнение на два часа. Мы сидели втроем и молчали. Мама все время пыталась не плакать. Сестренка ругала ее, потому что, сказала она, можно испортить встречу.

Вдруг в дверь стали бешено звонить. Я подумал: патруль. Сестренка сказала: «Нина». Я привстал со

стула. Сестренка открыла дверь. В комнату ворвалась Нина. Она ни с кем не поздоровалась, а повисла у меня на шее и завизжала. Мама заплакала и засмеялись — все вместе.

Нина провожала меня к казарме. Мы шли по Тверскому бульвару, а в лицо летел тополиный пух.

На автобусах нас привезли на Ярославский вокзал. Мы ехали в пассажирском поезде. Я вспомнил, как мама и сестренка искали меня глазами и как я крикнул (но кто кого слышал тогда на Ярославском вокзале!), и мне сделалось не по себе.

Один военкор (мы подружились с ним в первый день) хлопнул меня по плечу: служить-то осталось год! Я немножко повеселел, вспомнил Димку, старшего лейтенанта Мирошниченко, подполковника Филиппова, ребят из нашего взвода — и мне стало лучше. Ну и приехал я в часть.

9

Вот и все. Рассказ мой подошел к концу. Сейчас мы с Димкой докурим и завалимся спать. Потому что нам скоро снова на пост.

Всего хорошего.

НА МАРШЕ

Виктор, писарь первой мотострелковой роты, любил вечерами посидеть хоть несколько минут один в пустой канцелярии. Он любил после дневных хлопот смотреть на краснеющий уголек сигареты и слушать, как разбивается о стены казармы северный ветер.

«Не хватает только камина и чашки черного кофе», — говорил он своим приятелям-писарям, когда они собирались в канцелярию вместе поболтать. А собирались они чуть не каждый день.

Первым обычно приходит Афанасий. Еще с порога он бросит свое неизменное «Хелло!», тут же вытащит

из-под гимнастерки номер «Недели» и начнет читать, близоруко шурясь.

Потом придет Олег. Он служит последний, третий год, и его называют «стариком». Олег пробурчит что-нибудь о фатальной неизбежности демобилизации и скажет:

— Афанасий, сыграем?

Вот и сегодня они расставили шахматы и стали играть. Афанасий, не поднимая головы, сказал:

— Меня ставят старшим писарем. С первой полочки приглашаю в чайную.

Виктор промолчал. За этот вечер он вообще не сказал ни единого слова... Зачем? Если все так глупо получилось, если он так и не смог отделаться от этого марша...

Виктор неуклюже поднялся, взял пустой графин и вышел.

Дневальный Генка Мазин, насвистывая, лихо мыл пол в туалете. Виктор налил воды в графин и, уже уходя, услышал, как Генка нарочито громко, чтобы задеть, процедил:

— Обрато эта шушера собралась.

Виктор не остановился и не изменился в лице. Он плотно закрыл за собой дверь канцелярии.

По эту сторону двери он чувствовал себя лучше. Здесь можно было поговорить о хемингуэевских «девяти десятых», о польском плакате, о ностальгии ефрейтора, мечтающего об отпуске. Да, обо всем можно было поболтать с этими парнями.

Сейчас он их ошарашит.

— Мне приказали участвовать в марше.

Ребята подняли головы. Афанасий сочувственно протянул:

— Что поделаешь, дорогой мой, се ля ви.

— Да... неповезуха, — вздохнул Олег. — Отказаться не мог?

— Ничего не получилось, сам ротный взялся за дело... Я уже две строки себе посвятил:

Я полз последним в батальоне.

Меня никто не подгонял...

— Это же тихий ужас! — воскликнул Олег. — Афанасий, ты помнишь первый марш? Бедные солдатики ничком лежали на кроватях и не могли подняться, чтобы раздеться.

Всех развеселил Олег.

— Дай-ка, Витя, твою служебную карточку.

— Там ничего нет.

— Витя! Дай мне твою карточку.

— Ну, пожалуйста, но она непорочна с обеих сторон.

Олег взял карточку, перевернул той стороной, где записываются благодарности. Фальцетом, явно кого-то передразнивая, оттарабанил:

— Рядовой Виктор Смирнов, за выносливость и волю, проявленные при совершении марша, объявляю благодарность.

А через день рота стояла на плацу. Было еще темно. Утро казалось тихим и как будто дремлющим, досыпающим. Равнодушно белел снег.

Виктор стоял, нахохлясь, втянув голову в плечи, и не шевелился. Он ждал, пока сержант проверит его снаряжение: все ли нацепил на себя по полной полевой форме; потом доложит об этом старшему сержанту, тот — лейтенанту, лейтенант — капитану, капитан — майору...

Рядом крутился Генка Мазин.

«Вот живчик, — думал о нем Виктор. — Что-то прибывает, затягивает, смазывает...»

Виктор поднял голову и огляделся. Рассветало. Направо и налево и далеко впереди, куда они пойдут, был снег, и только снег. Белое безбрежье нагнало тоску. И когда скомандовали «Марш!», Виктор нехотя налег на палки и заскользил вслед за Генкой Мазиным, решив придерживаться его.

Легко и приятно идти на лыжах, когда снег сухой и мягкий, когда плавно скользят лыжи; приятно вдыхать чистый, пахнувший снегом воздух. Это Мазину нравилось. На лыжах он умел и любил ходить. Этот марш для него четвертый, но все равно попотеть придется. Он-то сам еще ничего, есть слабее. Вон писарь плетется за ним. А почему за ним? Боятся, что отстанет.

Генка вспомнил, что прошлый раз одному солдату, который хорошо держался весь марш да еще и автомат чей-то тащил, объявили отпуск. Генке тоже хотелось в отпуск. Вот когда писарь отдаст концы, он и возьмет его автомат... Конечно, уж если брать, так у Ибрагимова. Тот вообще еле-еле ходит на лыжах. Но этот азербайджанец упрямый, как черт. Он будет идти и идти. А когда упадет, и все поймут, что это предел, то наверняка посадят в машину и отвезут в часть. А писаря ни за что не посадят, это уж Генка точно знал. Ротный не посадит, ротный он такой мужик — строгий. Значит, у писаря.

А хорошо бы и в самом деле получить отпуск. Эх, и погулял бы!.. Прикрутил бы все значки, подшил бы подворотничок с проволочкой, насыпал бы семечек в карман и пошел бы вдоль деревни к правлению... Генка довольно улыбнулся.

Он как-то и не замечал, что все это время шел, делал повороты, передвигал палки.

А где писарь? Генка обернулся. Сзади никого. Далеко позади кто-то шел, за ним еще один и еще. Генка отъехал в сторону, всматриваясь в фигуры. Писаря не было, он узнал бы его по неумелой походке.

«Подождать, что ли, — неуверенно подумал Генка. — Ладно, жду четверть часа, — решил он. — Если не появится, значит, и ждать нечего, кто-нибудь из замыкающих возьмет его автомат. У кого же тогда мне? — с тревогой думал Генка. — А-а, найдутся... Не сейчас, так на обратном, еще лучше».

Когда лыжники поравнялись с ним, Генка быстро отстегнул лыжу и, делая вид, что подтягивает резинку, низко нагнул голову (так-то лучше, а то еще начнутся расспросы, что да как...). Долго стоял так, нагнувшись, пока лыжники не проехали. Виктора среди них не было.

«Дохлый писарь, — Генка зло сплюнул. — Наверно, отстал еще в самом начале. Жди теперь его».

Вдали зачернели две фигуры.

«Он! — обрадовался Генка. — Он и еще кто-то. Кажется, Ибрагимов. Вот потеха!.. Взять оба автомата? — мелькнуло в голове. — Нет, не стоит, здорово выдохнусь. Какой хоть это километр?.. Ага, вон указочка. До дороги, где будет стоять все начальство и где будет обед, верст пять, не больше. Это же срунда. Нужно взять оба автомата. Подъеду, остановлюсь и начну снимать: сначала первый, потом второй, потом третий. И все будут видеть».

Когда они узнали Генку, Виктор с неприязнью подумал: «Ухмыляется живчик, как будто и не устал». А Ибрагимов (он был бледен и с трудом переставлял лыжи) обрадовался: Мазин — сильный лыжник, и он,

конечно, снимет с Виктора хотя бы его, Ибрагимова, автомат, потому что Виктор сам уже еле идет. По его шее за воротник стекали струйки пота.

Вдруг Виктор резко обернулся.

— Слушай, Ибрагим. Вон стоит Мазни. Я проеду, не остановлюсь. И не вздумай просить, чтобы я отдал ему автомат. А приставет — отдай свой противогаз, снаряжение. И постарайся догнать меня.

Когда они поравнялись с Мазниным, Виктор прибавил шаг: насколько мог и молча проехал мимо.

Генка не успел рассмотреть его лица, только увидел на спине писаря два автомата.

...До кухонь оставалось сто метров. Виктор ждал Ибрагимова, так как не хотел, чтобы на нем увидели два автомата.

Сзади быстро подъезжали. Виктор обернулся и увидел потное, возбужденное лицо Мазни. На нем было два комплекта снаряжения, два противогаза. Генка заговорил, но получилось что-то хрипкое. Он прокашлялся.

— Дай автомат Ибрагимова.

Виктор нагнулся, снял через голову автомат и равнодушно протянул Мазни. Потом, не оглядываясь, медленно поехал вперед.

Рота, гремя котелками, обступила кухню. Командиры отделений резали буханки на части и раздавали хлеб. Повар откинул крышку котла. Повалил густой, вкусный пар, от которого рука крепче сжимала котелок.

Виктор заставил себя подняться со снега, развязать мешок, вытащить кружку, ложку, котелок. Потом он, с трудом передвигая ноги, подошел к кухне и встал в очередь.

— А-а, писарь! — заговорили кругом. — И ты здесь? Как дела, писарь? Пропустите вперед писаря, ему сегодня досталось.

Повар, здоровый малый, зачерпнул в котле и опрокинул в котелок черпак горячих, до умопомрачения аппетитно пахнувших щей. И опять заговорили:

— Эй, дайте ему пройти! Писарь, иди сюда, вот твой хлеб.

Виктор выбрался из толпы и, держа обеими руками горячий котелок, стоял и смотрел на ребят, обступивших котел. Они слегка подталкивали друг друга, громко говорили, заразительно смеялись, тянули свои котелки поближе к черпаку, и Виктор вдруг почувствовал теплоту ко всем этим ребятам, которых прежде как-то не замечал; ему захотелось быть среди них, вместе с ними кричать и смеяться.

Черт побери, Виктор никогда ничего подобного не испытывал!

И тут он увидел Мазина. На нем было только его снаряжение и один автомат. Генка подошел к кухне и протянул котелок. В это время старшина роты — он шел от машины — крикнул повару:

— Мазину налей больше, за Ибрагимова! Мазин нес его автомат и снаряжение и даже в машину посадил. Налей ему целый котелок.

Виктор с любопытством посмотрел на Генку. Тот что-то сказал повару, оба засмеялись.

И опять солдаты выстроились в затылок друг другу, и опять заскользили лыжи.

Начинало темнеть. Зимой на севере быстро темнеет.

Виктор отставал. Когда он шел в середине и видел перед собой чью-то спину, а за ним тоже шли,

все было нормально. Потом выскользнула из крепления резина. Виктор съехал в сторону, и пока вдевал резину, мимо него прошли те, кто был сзади. Расстояние между ним и последним в колонне все увеличивалось. И не было сил догнать. Он шел и шел, однообразно передвигая палками. Выкладываясь, поднимался на сопки и, выпрямившись, чтобы отдохнуть спина, медленно съезжал с их покатых склонов.

Остановился, когда до военного городка оставалось километра три. Впереди тускло желтели окна казармы.

— Чё, писарь, концы отдаешь?

Виктор вздрогнул. Голос живчика. Как он здесь оказался?..

Виктор не знал, что Генка все время шел сзади и терпеливо ждал этой минуты.

Подставив палки под мышки, Виктор тяжело, всем телом лежал на них, голова его была опущена. В ушах так шумело, что он слышал только частые тупые удары в висках.

Генка подъехал сбоку и, наклонясь, присел, заглядывая в бледное лицо Виктора:

— Эй, писарь, дай ружье. А то ведь не дойдешь, помрешь тут, потом отвечай за тебя.

Виктор приподнял голову и, когда его глаза встретились с глазами Генки, хрипло выдавил:

— Автомат я тебе не дам. Хоть ты лопни.

И долго еще слышал, как Генка зло ругался. Потом и он слился с темнотой.

Виктор еще постоял, потом медленно выпрямился. Неужели ни шагу?.. Чушь!

Первый шаг. Плюс второй. Плюс еще один. Есть же какая-то формула. Когда к числу прибавляют по единице, число становится все больше и больше. Но

каким бы большим оно ни было — еще один шаг сделать можно. Плюс еще один. Потом — все сначала.

Виктор шел, волоча палки; руки были тяжелые, будто чужие. Ноги от напряжения мелко дрожали. Стучало в висках.

Остановился. И вдруг услышал сзади себя:

— Эй, писары!

Виктор обернулся: трое шли в замыкании. Впереди — Лёха Иванов, за ним метрах в пятидесяти — радист и санинструктор.

— Что, устал? — спросил Лёха и сочувственно добавил: — Передохнем маленько.

Виктор кивнул. Он вспомнил, что как-то при распределении работ старшина велел Лёхе, как звали Иванова все солдаты в роте, вымыть пол в канцелярии. Лёха осторожно открыл дверь, просунул голову. Потом, увидев Виктора одного, вошел, поставил ведро с водой.

— Ты бы, писарь, перешел на другое место-то, я пол помою, — сказал он, окая.

Виктор перешел.

Лёха снял гимнастерку, засучил рукава рубашки и начал мыть. Виктор избегал встречаться с ним глазами. А Лёха, будто не замечая его, ползал по полу, вода большой тряпкой. Потом стал мыть под столом, за которым сидел Виктор, и увидел под его ногами какой-то упавший со стола лист. Лёха поднялся из-под стола и, показывая бумагу, заокал:

— Нужен листок-то, а, писарь?

И тут Виктор не выдержал, вскочил со стула, выхватил из рук Лёхи тряпку:

— Уходи, я сам вымою.

Жидкие белесые брови Лёхи поднялись:

— Чтой-то ты, писарь? Чай, не сам пришел, послан.

— Я сам вымою пол. Иди.

Лёха нахмурился.

— Иди, а старшина другую работу даст. Ты уж, писарь, пиши. Небось, ротный-то опять ругать будет.

Не слушая его, Виктор разделся и домыл пол.

— Чудной ты, писарь. Ладно, хорош. Я вынесу. Ты иди, помойся, вспотел-то как. — Лёха говорил, протяжно окая, словно пел.

И сейчас он словно пел:

— Устал или не очень? Давай подсоблю. Я-то ничего, привыкший. Давай, говорю, автомат. Поднесу малость, тут и осталось-то — рукой подать.

— Лёха, — сказал Виктор, и горло у него почему-то перехватило. — Лёха, ты же сам устал.

— Я — не, я-то привыкший. Давай, давай автомат-то. Чай, не переломлюсь.

Виктор хотел что-то сказать, но подошли радист и санинструктор. Виктор снял автомат, Лёха подхватил его, закинул за спину.

— Ну, пошли теперь, Витя.

Когда Виктор ввалился вслед за Ивановым в казарму, она показалась ему теплой, родной.

«Пройти еще десять шагов и свалиться на кровль», — подумал Виктор.

Его дозвали. Виктор повернулся. К нему подошли Афанасий и Олег. Они ждали его, приготовившись сочувствовать, у них были страдальческие физиономии.

Пройти еще десять шагов и свалиться на кровль», — не выходило из головы, но Виктор улыбнулся.

— Я вижу, у тебя все в порядке? — спросил Олег.

— Какой там порядок! Замерз, как черт, в этой.. машине, — пошутил Виктор.

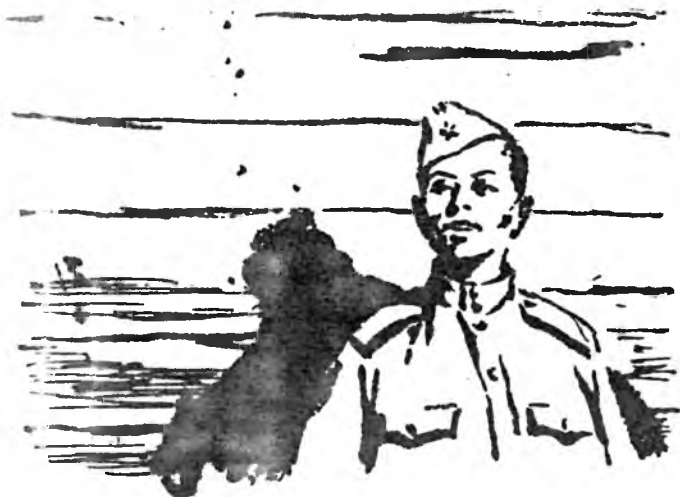
Оле́г и Афанасий оба разом хлопнули его по плечам.

— Чертяка, тебе здорово повезло! На машине — не пёхом. Ты только посмотри на своих товарищей по оружию, — сказал Афанасий и тут же напомнил о субботе: — Официальное приглашение в чайную вы получите немного позднее. Мы еще зайдем к тебе, Виктор. — Афанасий погрозил пальцем: — Вижу, совра́л, вымотался, на машине так не бывает. А Мазин мечтал на тебе отпуск заработать...

Виктор долго ждал минуты, когда войдет в темную канцелярию, сядет на стул, прислонившись к стене, и вытянет ноги. Сегодня ему необходимо остаться одному. Он нарочно не зажигал света. По окнам бил ветер. Виктор пристально смотрел на красный уголек сигареты.

Кончилось. Все прошло. Ноги вытянуты, дымит сигарета. И не нужно улыбаться и говорить, что отсиделся в машине. Но они сейчас придут. Нет, конечно, я не уйду. Я буду улыбаться и рассказывать анекдоты. Но об этом они не узнают.

Я не расскажу им про обед, и про Лёху, и про формулу, которая стремится к бесконечности. Это было только со мной. Им не понять, что я хочу, чтобы Лёха считал меня своим парнем. Чтобы он не проходил молча мимо меня, как до марша, чтобы он протягивал мне свои «гвоздики» и улыбался: «Покурим, писары!» Но они уже поняли Мазина. И это хорошо. Хорошо... На марше люди становятся чище.

ПОТОМ БУДЕМ ВСПОМИНАТЬ...

1

Развод на занятия заканчивался. Офицеры, вытянувшиеся в одну шеренгу перед невысокой трибуной, на которой стояли командир части и начальник штаба, повернулись кругом, лицом теперь уже к нам, и разошлись по своим ротам. Оставалось пройти под оркестр вдоль широкого чистого плаца с белыми разметочными полосами. Раздастся команда, и наш полковой оркестр, и мы, солдаты полка, сделаем то, что от нас требуется сейчас, в восемь часов утра по московскому времени.

Я знаю, что главное в армейской жизни — это четкость и своевременность выполнения приказа, который ты получил. Я это знаю так же твердо, как то, что служу третий год и на моих погонах две темно-красные полоски, как свой год и место рождения. И все же, когда я стою на плацу в восемь утра, знаю и то, что я среди своих сверстников, у нас одна судьба, те же тревоги, одна форма — летняя, полевая, и нас много, нас очень много, маленьких и больших, сухих от горячего солнца, черных от северных затяжных дождей, осыпанных хрустящим песком пустынь, — я не могу отвыкнуть от какого-то непонятного волнения, волнения, охватившего меня в самом начале службы, когда я в первый раз подумал об этом. С тех пор я понял, что я, стоящий сейчас в ожидании команды и четкого хора труб, я, шурящийся от молодого великолепного солнца, я — младший сержант Рябчиков по имени Александр, любящий и любимый сразу двумя девчонками, я, могущий швырнуть гранату на сорок метров, я — частичка самой сильной, самой прославленной армии в мире, и то, что мне будет приказано сделать днем, ночью, на земле, под землей — клянусь: сделаю!

А пока — строевой шаг, равнение в затылок и в своей шеренге, правое плечо-о вперед; раз, два, три — прямо! Оркестр играет знакомое с пионерского лагеря: «По долинам и по взгорьям шла дивизия впе-е-ред». Раз-два! Крепкие подбородки выше — направо. «Чтобы с боем взять Приморье, белой армии оплот». Черт возьми, хоть на сверхсрочную оставайся!

Из канцелярии вышел дежурный по роте: «Сержанты, к командиру роты!».

Капитан Анастасьев — вот кто наш ротный. Заго-

редое, как у киргизского чабана, лицо, кожа, натянутая, как барабан. Любит прыгать на ходу из машины, любимый поэт — Маяковский: «Я земной шар чуть не весь обошел!»

К т м у же он краток: «Приготовьтесь к приему молодых солдат. Возьмите у писаря именные списки. Иначе за себя ответственных за чистку. Смотр молодежи буду делать через три часа. Проверю каждого в отдельности. Представлять их будете вы. Если у кого-нибудь окажется грязный носовой платок или сбитая подковка — взыщу с вас. Кому что не ясно? — Пауза. — Идите, встречайте. Вон они гремят на лестнице».

Лестница, действительно, гремела. Гром становился сильнее. Дверь распахнулась. Первый школьник, провалившийся на вступительных экзаменах в институт, стриженный под машинку, в новенькой пилотке, в новеньком х/б, новеньких кирзовых сапогах, с автоматом, мешком и «Приключениями Весли Джексона» под ремнем ввалился, по-детсадовски улыбаясь — широко и счастливо: опередил. Первый!

2

Вспомни, вспомни, командир отделения, себя три года назад, когда ты не был еще ни младшим сержантом, ни даже ефрейтором, просто «молодым пополнением». Помнишь? С чего для тебя началась служба? С иитки, иголки и первого выданного подворотничка. Проблема номер один: научиться самому на свою гимнастерку подшивать подворотничок. В первый раз вы подшивали его с кем-то вдвоем. Сначала одному, потом другому. Один держал, другой шил. Как давно это было! Так давно, что даже не

верится: неужели когда-то я не умел подшить подворотничок! Было, не забывай, было.

— Ну, положим, они-то уже умеют делать это без помощи, они же прошли карантин. Но — не забывай исколотых пальцев.

В мое отделение влилось четыре молодых. Вот стоят они передо мной, смотрят выжидающе, может быть, исподлобья, приготовились слушать, учти: это в первый раз. А что мне им сказать? «Только не вздумай покраснеть». Лишь подумал — и сразу: щеки погорячели, я знаю, щеки меня подвели, предали — ну и пусть. Пусть эта четверка видит, как покраснел стоящий перед ними младший сержант, который не сказал им еще ни слова, а уже покраснел, пусть они думают, что я смущаюсь — я и вправду смущаюсь, пусть — потом разберемся, узнаем кто и что, зачем и откуда, а пока... Первое, что пришло в голову: «Через два с половиной часа командир вашей новой, теперь уже на три года вашей, роты будет проводить смотр. При осмотре будет проверять: от звездочки на пилотке до подковок на сапогах...»

Вот так. Не очень эффектно, но зато сразу к делу, а знакомиться будем потом, каждый день, каждый час, в запасе моем с ними — год.

— Товарищ младший сержант, а какой у нас адрес?

Тоже дельный вопрос. «Адрес такой...» Пишите, ребята, письма мамам и папам, друзьям и девчонкам. Очень хочется знать, что вы напишете сегодня в своих письмах?

Кстати, кто задал вопрос? Промашку сделал, командир. Исправляй. «Вот такой наш адрес, но вам — первое замечание: при обращении к командиру сол-

пат должен представиться: звание и фамилия. Запомните».

— Рядовой Стругов...

Вот кто, значит, женат, судя по именному списку. Брак зарегистрирован полгода назад, почти перед повесткой. Ты старше его на три года и холост, а он женат, значит... (что значит...) значит, ему труднее всех. Он и спросил о своем новом адресе. И правильно сделал. Молодец, парень, рядовой Стругов!

Второй справа:

— Разрешите обратиться?

— Да.

— Рядовой Жолтиков. А в медпункт можно сходить?

— Что у вас?

— Обострение хронического тонзиллита.

— Прием в медпункте с трех до пяти. Утром, почувствовав недомогание, вы должны записаться в особую книгу, она находится у дежурного по роте. Дежурный относит книгу в медпункт в час дня. После обеда все записавшиеся строятся и под командой дежурного идут в медпункт. В случае острой боли — обращаться непосредственно ко мне. Ясно?

— Так точно.

Значит, ты — Жолтиков и у тебя — обострение хронического тонзиллита... Форму обращения ты усвоил четко и быстро. Что-то слишком насмешливы при твоём обострении твои глаза... Сказал бы просто: горло болит. Я не медик, я мог и не знать, что такое обострение хронического тонзиллита. Дурачок ты, Жолтиков, будь ты постарше, я бы ответил тебе по-другому, но ты ведь еще просто мальчишка, и вызов твой чисто мальчишеский, это пройдет. Желаю тебе вылечиться от своего хронического тонзиллита!

Остальные двое молчат. Нет, один что-то хочет сказать:

— Я... Рядовой Калинин. Я руку проткнул...

И заплакал. Что ты, Калина! Ну не плачь!

— Покажите!

Ладонь перемотана носовым платком, платок в крови. Что же ты молчал, глупый.

— Дневальный, вызовите санинструктора!

Вот так, Жолтиков... Ну а четвертый? Четвертый молчит. Он все знает. Он на меня не смотрит, а если и смотрит, то совершенно спокойно и равнодушно. Я его понимаю. Это — рядовой Петров, отчисленный из военного училища за недисциплинированность. Я знаю: с ним будет всех проще и всех труднее.

3

Остановилась картофелечистка, и одновременно погас свет на кухне, где мы с отделением чистили картошку. Я приказал Жолтикову зажечь керосиновые лампы, а сам пошел звонить дежурному по части. Когда я вернулся, горели три лампы. Мы сняли их со стен, сдвинули ближе к картошке. Калинин сходил за специальными ножами. Да, рука у него через неделю зажила, а Жолтиков почему-то так и не записался на прием в санчасть.

Каждый взял по ножу. Работали молча. Справа от меня сидел Калинин, слева — Стругов. Жолтиков и Петров сидели отдельно. Молчание становилось тягостным. Мне не хотелось нарушать его первым: я знал, что ребята думают о своем и молчат тоже каждый о своем. Шла вторая неделя их службы в роте, и, конечно, время это не промелькнуло для них бесследно. У каждого уже есть замечания и похвалы. Замечаний, правда, больше, чем похвал, но серьезно-

го разговора ни с кем из них еще не было. Я ждал. Я знал, что такой разговор рано или поздно будет.

Сейчас, сидя на опрокинутом ящике в полутемной комнате, работая ножом и слыша, как булькает очищенная картошка в бачке с водой, я был уверен, что этот разговор начнется именно здесь, сейчас, и от того, каким он будет, зависит наша дальнейшая общая служба и наши отношения. Будут ли они только официальными: командир — подчиненный или же командир — подчиненный и плюс дружба.

— Скоро клев начнется, — сказал вдруг Калинин. — Вот еще малость стемнеет и начнется. У нас в деревне река Яргомжа. А за ней лес. Там волки...

— Я одного волка убил, — откликнулся Стругов. — Мне за шкуру двести рублей дали. А вам, товарищ младший сержант, приходилось встречаться с волками?

— До армии — нет. Я в Москве жил. А тут на втором или первом году во время учений кто-то из наших ребят пристрелил волка из автомата. Вот тогда я в первый раз и увидел.

— А учения — это хорошо или плохо? — заинтересовался Жолтиков.

— Учения? Хорошо. Это как практика.

— И часто такая практика?

— Часто. А что?

— Да так... Все должны ехать на учения?

— Все до одного.

— Ну, а если я заболю? — вдруг вмешался Петров.

— Некоторых ребят никак не могу понять, — начал я. — Они все время хотят чем-нибудь заболеть. Я, например, не терплю никакой боли, даже насморка. Меня это раздражает. Мне даже кажется, что во

время болезни я на какой-то срок как бы вычеркнут из жизни. Я даже приказываю себе: перестань болеть!

— Помогает? — спросил Петров.

— Помогает.

— Да, помогает, — подтвердил Стругов. — Я это знаю. Больше болеют те, у которых нет внутренней дисциплины.

— Ну... до дисциплины договорились, — протянул Жолтиков.

— Кстати, — сказал я, — на каждого из вас заведена карточка взысканий и поощрений. Нетрудно догадаться, какая из этих двух сторон должна быть написана. Как вы считаете, Жолтиков?

— А вдруг они обе останутся чистыми?

— Так не бывает. Вспомните: «И тот, кто сегодня поет не с нами — тот против нас».

— Маяковский сам не хотел служить в армии, — возразил Жолтиков.

— Вы плохо знаете историю. Маяковский не хотел служить в армии, которая вела лжепатриотическую войну. А я служу в армии, которая охраняет мой дом, мой город, мою страну. Мой долг — служить честно и уметь защитить дом, город, страну всегда и везде. Если это понять не только умом, но и сердцем — все остальное само собой приложится: и учения, и дневальство, и караул, и даже чистка картошки. Много еще осталось?

— Жаль, мало, — ответил Петров. — А то бы мы продолжили на эту тему. А что вас лично интересует? Раз вы так говорите, то почему бы вам не пойти в военное училище?

— Я об этом не думал. Наверное потому, что каждый должен делать свое дело. Если бы я понял,

что мое дело — быть офицером, не задумываясь пошел бы в училище. И поверьте, постарался бы быть хорошим офицером. Но я хочу быть географом. И опять-таки постараюсь стать хорошим географом. А армия — это для каждого, кем бы он ни был.

— У нас один парень шел по деревне и плакал, когда из-за зрения его не взяли в армию, — вставил Калинин.

— Ну, а если я ошибся, — возражая мне, продолжил Петров. — Что тогда?

— Ошибиться может любой. Но не каждому дано остаться честным перед самим собой, признать ошибку и начать все сначала, может, даже с нуля. Некоторые вместо этого, бывает, озлобляются на соседа, на всех людей, на весь мир. Такой человек считает, что в его ошибке виноваты все, кроме него самого, что теперь для него остается только одно: мстить им за свою ошибку. Вот он и мучается и других мучает. А одна поэтесса написала такие стихи: «И никогда не поздно снова начать всю жизнь, начать весь путь. Да так, что в прошлом бы ни слова, ни стоны бы не зачеркнуты!» Вот как... Правда, хорошие стихи?

— Д-да, — медленно согласился Петров.

— Последняя картошина! — воскликнул Жолтиков. — Давайте загадаем, кому ее чистить?

Ко всеобщему смеху чистить последнюю картошину досталось Жолтикову.

4

Приближалась годщина нашего полка. Художественной самодеятельности у нас в роте не было. Так получилось, что в роте не нашлось ни музыканта, ни

танцора, ни певца. Хор после второй спевки больше не собирался.

С приходом молодых солдат у командира роты затеплилась надежда:

Как-то после обеда старшина повел роту в клуб. Туда же пришел музыкант из полкового оркестра.

Так выяснилось, что у Калининна и Жолтикова — первый голос, у Петрова, Стругова и у меня — второй.

Неожиданно и как-то сразу при всех открылась еще одна маленькая тайна: в моем отделении под фамилией Петров скрывается отличный аккордеонист, можно сказать, профессионально владеющий инструментом. Аккордеон принес с собой музыкант из оркестра. Когда он оставил его на стуле, а сам занялся с первыми голосами, Петров стал кружить вокруг стула, пока, наконец, не взял аккордеон в руки и бегло, грамотно опробовал его. Шум в клубе притих. Но Петров уже ни на кого не обращал внимания: он играл что-то плавное и красивое.

Я стоял, прислонившись к стене и от всей души радуясь за его талант и большую душу, любовался его лицом, просветленным, смущенным, с блуждающей неуверенной улыбкой.

Как все-таки я не ошибся! Я чувствовал: должен же он был в чем-то открыться и не переставал верить, что за внешней грубоватостью, слишком демонстративной, чтобы принять ее за суть, скрыто что-то более человеческое, более личное. И я радовался теперь за него не просто как командир за подчиненного, а и как старший брат за младшего брата.

Вокруг Петрова образовался круг. Посыпались заявки. Но Петров, насмешливо прищурившись, поставил аккордеон на место. Неуверенная блуждаю-

чая улыбка исчезла, вместо нее на лице появилась обычная его грубоватая полуулыбка.

Ну нет, Петров, я видел твое лицо, когда ты играл, я видел незащищенное ничем, никаким твоим забралом настоящее подлинное твое лицо, я теперь до конца понял, кто ты и какой ты, и я приложу все силы, чтобы помочь тебе избавиться от ненужной прилипчивой маски вместо настоящего лица.

...Жолтиков проснулся еще до того, как ушли ребята. Натянув одеяло на голову, он слышал, как, стараясь не разбудить его, они оделись и вышли, придерживав тугую пружину на дверце палатки.

Жолтиков отбросил одеяло и тихо, с удовольствием рассмеялся.

И тогда он заметил сигарету. Она лежала белой палочкой на табуретке, придвинутой к ногам так, чтобы, проснувшись, он сразу увидел ее. Рядом с сигаретой — пара новых портянок. Из-под них выглядывал тетрадный листок. Записка была написана карандашом: «С днем рождения, Валера! А это тебе наш подарок».

Он отложил листок. Солдатская лавка, где можно было купить курево, была на ремонте, это он знал. Ребята уже неделю курили только «бычки». «Кури, у тебя же день рождения...», — подумал Валерий и тут же признался самому себе: «Доигрался!»

Автодром, где мы работали тогда, был в пятидесяти километрах от военного городка. Шла вторая неделя работ. Мы бетонировали эстакаду для мойки машин. Иногда на автодром приезжал кто-нибудь из штабных офицеров. Я строил отделение и докладывал: «Пронсшестввий никаких не произошло». Потом

вел офицера к эстакаде показать, что сделано, что делается, что на исходе: щебенка или цемент. Офицер уезжал. На другой день утром приходили самосвалы.

Загружали бетономешалку. Три ведра песку, ведро цемента, щебенки, воды. Петров включал рубильник: мешалка вращалась. Мы вставали цепочкой, из рук в руки ходило ведро.

В километре от автодрома желтела столовая. Повар был свой, из хозяйственного взвода нашего батальона. Вечерами играли в волейбол.

Потом все испортилось. Утром, когда до подъема оставалось минут пятнадцать, в палатке тренькнул телефонный звонок. Я вскочил, налег на аппарат. Пока я говорил, проснулись и остальные. По моим ответам ребята без лишних объяснений поняли, что разговор серьезный: было приказано работу закончить через неделю. На второй день после этого у Жолтикова вздулись мозоли. Перед отъездом из городка я совсем забыл о рукавицах, а из ребят никто не напомнил. Калинин обмотал ему ладони бинтами. Бинты мокли, съезжали. Жолтиков зло таскал тяжелые ведра раствора и про себя ругался.

Я делал вид, что ничего не замечаю.

Укладываясь спать, Жолтиков громко сказал:

— Эх, а у меня завтра день рождения!..

— Что же ты раньше молчал, — ответил Стругов. — Придумали бы что-нибудь.

Жолтиков ждал, что скажу я.

— А что придумывать, — сказал я. — Отдыхайте завтра. Как, ребята?

— Конечно! — воскликнул Калинин. — Спи, пока не проснешься. Ерунда, справимся и без тебя.

— Только вот подарить нечего, — добавил Петров.

Я молчал.

— Да что вы, ребята, — как можно искренней ответил Жолтиков. «Я знал, что так и будет. Ну и высилюсь же завтра...» Спасибо вам большое, ребята!

Он скосил глаза на меня, но я тут же перевернулся на другой бок.

«...Выспался! — сердито проворчал Жолтиков, сидя в пустой палатке. — Чья же это сигарета?..»

По натянутой парусине глухо царапал дождь. Вдалеке тарыхтела бетономешалка. Жолтиков докурив сигарету, оделся. Портянки не высохли, ногам было холодно и неудобно. Валерий подумал, взял портянки с табуретки. Привычно обмотал ноги. Стало мягко, сухо. Записку сложил вчетверо и положил в карман гимнастерки. «Теперь все!»

Он вышел из палатки. Затягивая на ее концах веревочки, чтобы в палатку не набралось воды, решил: ребятам ни слова. Пусть будет день рождения... Не хочу быть дважды подонком.

Он затянул палатку и, сунув руки в карманы, пошел к бетономешалке, туда, где работали мы. Работали молча, старательно, надежно. У нас тоже были мозоли. Но ребята работали. «Если меня не будет сегодня на эстакаде, — думал Валерий, — они, конечно, выполнят норму. Дело не в этом». Он понял что-то такое, из-за чего не мог больше оставаться в палатке. Он хотел быть с нами. Пусть мозоли, пусть дождь — но с нами.

Мы заметили его, Калинин замахал пилоткой. Валерий тоже поднял руку и быстро пошел к нам.

Через неделю я доложил в штаб батальона о выполнении приказа.

...После двух часов огневой подготовки сегодня, в первый раз, я привел отделение к полосе. По пла-

ну командира взвода я должен был сначала пробежать полосу на высокой скорости с преодолением всех препятствий, метанием гранаты и уколом штыка, чтобы ребята бежали сбоку и все видели. Я выстроил отделение и сказал:

— Полоса препятствий — это комплекс физических и прикладных упражнений. Тот, кто научится преодолевать полосу легко и быстро, может считать себя настоящим солдатом. Препятствия трудные. Но трудности не изнуряют, а закаляют. Полоса препятствий — не только упражнение на выносливость и ловкость, но проба на честь и достоинство солдата. Показываю.

Повернув отделение кругом, я подвел его к первому окопу — началу полосы — и прыгнул в него. Тихо скомандовал себе: «Вперед!»

Больше всего мне запомнилось на этот раз, как дрожали мои ноги, когда я бежал по бревну. Тут главное — не смотреть вниз. И все-таки я не удержался и увидел в сухом сером бревне расщелину, вытянутую, сужающуюся и продолжающуюся, как черная щелка. Я знаю: у всех ноги дрожат на бревне, у одних больше, у других меньше, и с этим ничего не поделаешь, бревно узкое, сапоги кирзовые — не позорно, ребята, если у вас задрожат ноги, позорней, если вы никогда за свою жизнь не пробежите по сухому серому бревну в мелких вытянутых расщелинах, потому что это труднее, чем просто ходить по земле и знать, что она плоская, вопреки астрономии. Опрокинув штыком чучело и изготовившись для ведения огня, я искоса глянул на сгрудившихся ребят. Сосредоточенное лицо Стругова, задумчивое Петрова, испуганное Жолтикова и открыто-восхищенное Калинкина.

Я поднялся с травы, передал автомат Калинкину. Смахнул пот, заправился. Сказал: «Вот это и есть полоса препятствий...»

Вернув отделение на исходное положение, я стал объяснять все по порядку, тут же проверяя, кто как воспринимает каждое препятствие, а под конец занятия решил пропустить всех через полосу.

Когда ребята отдышались и я построил их у «мышеловки», результаты оказались воистину налицо: один Стругов с первого же раза уложился в нормативное время.

Вечером я зашел в Ленкомнату сыграть в шахматы и удивился: все мое отделение, как один, писало письма. Я внутренне улыбнулся, потому что теперь уж я знал примерно, о чем пишут они сегодня мамам и папам, друзьям и девочкам и, чтобы не смущать ни Калинкина, ни Петрова, ни Стругова и ни Жолтикова, вышел.

5

А лето кончалось. Вечера становились темнее, небо мутнело, темно-зеленые сопки кое-где начинали робко желтеть; но прошла неделя, и теперь казалось, что сопки всегда были такими: желтыми по склонам и коричневые вверху, с белыми пятнами снега, как разлитое из огромной цистерны молоко.

Полковой плац не просыхал от дождей, и теперь перед строевыми занятиями дневальные метлами разгоняли лужи. У каждого времени года есть свои звуки, проходит время — проходят и звуки, приходят новые. Известно, что с осени приходит тихий назойливый шум дождя, вязнувший звук шагов по мокрым опавшим листьям.

В такое время идешь по лесу и вдруг остановишься от тишины. В лесу тихо, в лесу очень тихо, ведь лес пустой. И только воробьи, как всегда, заботливы, деловиты, полны энергии и бесстрашия. В одном маленьком воробушке столько оптимизма, что его хватило бы на целую стаю тоскливо прощающихся с родиной журавлей, медленно выстраивающихся в свои эмигрантские треугольники... Осень.

6

Мое отделение отстрелялось первым. Общий результат стал известен только через три часа, когда отстрелялась вся рота, но эти три часа ничего изменить уже не могли. Отделение, кончившее первым, заняло первое место в роте и батальоне.

Оружие мы чистили в маленьком сарайчике, в стороне от стрельбища. Жолтиков от радости пел. Ему пришлось всех труднее, он стрелял последним в отделении. Выходя на огневой рубеж, он уже знал, что у всех отличные оценки, что его стрельба решит все остальное, и, конечно, очень волновался. Да я и сам волновался не меньше его и команды подавал нарочито будничным тоном. Но когда он выполнил все упражнения, поразив последнюю мишень с первой очереди, поставил автомат на предохранитель и поднялся с земли, я схватил его в охапку и расцеловал!

Почистив оружие, вышли из сарайчика и направились к кухне. Мы шли быстро, мы были молоды и голодны, мы были солдатами и умели поражать цель с первой очереди, и вдруг мы остановились. Остановились и посмотрели друг другу в лицо. «Перекур!» У кого есть сигареты? У тебя, Коля

Калинкин? Дай закурить. Плохие сигареты, плохо тянутся. Хорошие? Правда, хорошие. Это я просто так, не разобрал. Хорошие сигареты! Что, Петров? Что вспоминать?

— Ребята... слышите, ребята?.. Я хочу сказать, что...

Послушайте! Мы же потом будем вспоминать, как шли по этому полю, и как остановились, и как курили одну сигарету по кругу, мы же это будем помнить всю жизнь!

Последняя затяжка — Стругову. От сигареты ничего не осталось. Один маленький красный уголек.

— Отделение, становись!

Мы шли по заиндевелому полю, и хрустела трава, мы шли быстро, мы были молоды и голодны, мы были солдатами и умели поражать цель с первой очереди, мы были друзьями.

СОДЕРЖАНИЕ

Всего хорошего	2
На марше	19
Потом будем вспоминать	31

Николай Павлович Кучмида
ВСЕГО ХОРОШЕГО

Художник Ю. РЕБРОВ

Главный редактор Ф. Царев
Литературный редактор Н. Логинова
Художественный редактор Ю. Королев
Технический редактор Р. Углова
Корректор Е. Абросова

Адрес редакции: Москва, Д-7, Хорошевское шоссе, 38/40
Г-63533. Сдано в набор 18.2.69 г. Подп. к печ. 10.3.69 г. В печ. л. 55000 тираж. ин.
Бумага 70×108¹/₁₆ — 1,5 печ. л. = 2,03 усл. печ. л. Цена 5 коп.
Изд. № П/22Ю. Зак. 636.

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва, К-160
1-я типография Воениздата
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 5 коп.

72934

